

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

УДК 378
ББК 74.480

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

РАСШИРЕННОЕ НЕОПИФАГОРЕЙСТВО: ЕГО АРХАИЧЕСКИЕ ИСТОКИ, СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОПАСНОСТИ (ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕМЕ «РОССИЯ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»)

В центре внимания авторов — начавшийся на исходе Нового времени разворот к исключительно количественному и цифровому постижению тотальности, запустивший процесс радикальной дегуманизации реальности и возвращение в дохристианские «магические» времена. Раскрыты опасности неoarхаики, подталкивающие человека к ситуации продуктивного когнитивного диссонанса и сотериологического поиска культурно-исторических альтернатив. Показано, что профанный либерализм не достигает цели, делая незаметным главное метафизическое зло, которое уже надвинулось на человечество сквозь западные «паломничества в страну Востока». Сделан вывод о новом технологическом укладе как неорабовладельческом строе, в котором цифровизация нужна для того, чтобы забыть о бесконечности и закрепить новые формы неравенства.

Ключевые слова: пифагорейство, эзотерика, деградация, цифровизация, кушитство, иранство, христианство, технократизм, аполлонизм, Гиперборея, будущее человечества, судьба России.

V. P. Okeanskiy, Zh. L. Okeanskaya

ADVANCED NEOPYTHAGORY: ITS ARCHAIC ORIGINS, SYMBOLIC FORMS AND ANTHROPOLOGICAL HAZARDS (PROLEGOMENA TO THE TOPIC "RUSSIA AND THE FATE OF HUMANITY")

The authors focus on the turn towards an exclusively quantitative and digital comprehension of totality, which began at the end of the New Age, and launched the process of radical dehumanization of reality and a return to pre-Christian "magic" times. The dangers of neoarchaicism are revealed, pushing a person to a situation of productive cognitive dissonance and a soteriological search for cultural-historical alternatives. It is shown that profane liberalism does not achieve its goal, making invisible the main metaphysical evil, which has already advanced on humanity through the Western "pilgrimage to the country of the East." The conclusion is made about the new technological order as a neo-slave-owning system in which digitalization is needed in order to forget about infinity and consolidate new forms of inequality.

Key words: pythagoreans, esoterics, degradation, digitalization, kushism, iranianism, christianity, technocratism, apollonism, Hyperborea, the future of mankind, the fate of Russia.

© Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2021

DOI: 10.46724/NOOS.2021.1.80-87

Ссылка для цитирования: Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Расширенное неопифагорейство: его архаические истоки, символические формы и антропологические опасности (пролегомены к теме «Россия и судьба человечества») // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 1. С. 80—87.

Citation Link: Okeanskiy, V. P., Okeanskaya, Zh. L. (2021) Rasshirennoye neopifagoreystvo: yego arkhaischeskiye istoki, simvolicheskkiye formy i antropologicheskkiye opasnosti (prolegomeny k teme «Rossiya i sud'ba chelovechestva») [Advanced neopythagory: its archaic origins, symbolic forms and anthropological hazards (prolegomena to the topic "Russia and the fate of humanity")], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 1, pp. 80—87.

«Два переживания омрачают мою жизнь, — указывал А. Швейцер, на философские взгляды которого оказал по его собственному признанию «решающее влияние» Лев Толстой, — первое состоит в понимании того, что мир предстоит необъяснимо таинственным и полным страдания; второе — в том, что я родился в период духовного упадка человечества» [15, с. 5]. Что может предложить сегодня философская мысль, сталкиваясь с новыми вызовами, цивилизационными угрозами и антропологическими рисками? Куда качественно продвинулась она от опыта своего собственного начала?

Автор, как традиционно считается, самого слова «философия» стоял достаточно далеко от гуманизации антропоса: «Пифагор никаким философом не был, — согласно остроумной характеристике О. Шпенглера, — судя по единодушным высказываниям досократовских мыслителей, он был святым, пророком и учредителем фанатического религиозного союза, навязывавшего свои истины окружению всеми политическими и военными средствами» [17, с. 316].

А. Шопенгауэр, указывая, что Пифагор по сути был лишь транслятором древнего эзотерического опыта Египта и Индии, отмечал, что «высокая мудрость и знание Пифагора состояли не столько в том, что он думал, сколько в том, чему он научился, т. е. были скорее чужие, чем его собственные» [16, с. 32]; однако певец мировой скорби не без удовольствия подчеркивал, что «Пифагор был прав, полагая подлинную сущность вещей в числах» [16, с. 31] и «метафизику музыки, как она... изложена мною, можно считать истолкованием пифагоровской философии чисел» [16, с. 31]; при этом, согласно приводимому толкованию, «Эмпедокл, которого древние постоянно причисляют к пифагорейцам... и Платон, который также продолжает еще находиться под влиянием Пифагора... это — остатки пифагорейской мудрости» [16, с. 29—30], а «приписываемое Иоанну Евангелие... ведет свое начало от пифагорейской теории чисел» [16, с. 31].

С первых своих шагов христианская святоотеческая мысль восстала против такого детерминистического понимания Откровения: на втором Вселенском соборе 381 года в Константинополе был осужден именно этот ручной платонизм с его апокатастазийным оригеновским оптимизмом, учением о предсуществовании душ и техниками магического управления, а отнюдь не то, что иногда называют «платонической картиной мира», предполагающей относительную автономию духовного и физического уровней реальности, а также представление о Плероме как предвечном Божьем Замысле о мире.

Б. Рассел в «Истории западной философии», называя Пифагора «одним из наиболее значительных людей, когда-либо живших на земле», пишет: «Математика... начинается именно с Пифагора. У Пифагора она оказалась связана с осо-

бой формой мистицизма. Влияние математики на философию, связанное отчасти с именем этого философа, было до сих пор как благотельным, так и бедственным явлением» [10, с. 64]. Словно вторя Шопенгауэру, певец логического анализа утверждает тезис о пифагорейских истоках как платонической, так и христианской традиций: «...кажущееся платонизмом оказывается при низжайшем анализе в сущности пифагореизмом. С Пифагора начинается вся концепция вечного мира, доступного интеллекту и недоступного чувствам. Если бы не он, то христиане не учили бы о Христе как о Слове; если бы не он, теологи не искали бы логических *доказательств* бытия Бога и бессмертия» [10, с. 74].

Характер детерминирующего мышления Рассела, принципиально дистанцированного от христианских корней, вполне очевиден. Но интересно, что в чем-то схожим образом и М. Хайдеггер, при всем своем недореализованном неоязычестве никогда не отвергающий последних, писал об античном логосе, детерминирующем всемирную историю, в известной послевоенной работе «Что зовётся мышлением?», выросшей из одноименного курса лекций: «Логос — слово, которое кроме того доходит до самых высоких высот теологической спекуляции, и лексос, слово, которое обозначает такую привычную вещь как ложе... Почему же надо беспокоить себя этой существовавшей когда-то многозначностью слова легейн? ...легейн означает одновременно сказывать и класть... из этих достопримечательных слов легейн и логос возникла западная логика. Без легейн этой логики нынешний человек был бы лишён своего мотоцикла. Не было бы также самолётов, турбин и комиссии по атомной энергии. Без этого легейн и его логос не было бы также ни христианского учения о троичности и ни теологического истолкования понятия второй личности в божестве. Без этого легейн и его логос не было бы и эпохи Просвещения. Без этого легейн не было бы диалектического материализма. Мир без логоса логики выглядел бы иначе. Конечно, это бессмысленно пытаться расписать, как выглядел бы тогда мир» [13, с. 271].

Наш современник А. Г. Дугин в книге «В поисках тёмного Логоса» осуществляет герменевтическое сближение логоцентрического принципа именно с пифагорейством: «Числа Пифагора — это Логосы. Они несут в себе высшие аполлонические энергии, способные открыть створки наличного мира. Сакральные числа — это сгущённое всё. Они не количественны, но качественны, они не поддаются счислению, и операции с ними суть обрядовые теургические жесты, культ, призывающий высшие силы. <...> ...мир, где вечные числа живут стройной силой бесконечных божеств. Это озарение математикой. Каждое число бесконечно и едино, несложимо и неразложимо. Оно отдельно и непрерывно, само и иное. Число живёт, и мысль о нём потрясает основания Вселенной. В числе скрыт мир, и счисляющий его творит и разрушает стеклянные этажи возможных, будущих и прошлых космосов. Естественно, это очень ответственное дело» [2, с. 131]. Дугин указывает, что «продолжателем прорицательской миссии Пифагора (его воплощением) считал себя знаменитый эллинский маг Аполлоний Тианский» [2, с. 132] — мистик, как известно, претендующий в гностическом воображении на роль альтернативного Христу мессии...

Избегая самых прямых аналогий, с учетом глубокой стадияльной десакрализации мира, духовной инволюции человечества и деградации культурного опыта, стоит, однако, отметить, что начавшийся на исходе Нового времени разворот к исключительно количественному и цифровому постижению тотальности

странным образом напоминает начинающийся запуск процесса по радикальной дегуманизации реальности и возвращению в дохристианские «магические» и, скажем так, всецело «сакральные» времена. Однако опасности неoarхаики остаются совсем не продуманы в господствующем ныне дискурсе безопасности — и поднимающееся по мере планетарного развертывания современной цивилизации ментальное «кушитство» не только поглощает человека, но и ставит его в ситуацию продуктивного когнитивного диссонанса и сотериологического поиска культурно-исторических альтернатив. Здесь огромную роль могло бы сыграть обращение к наследию русских религиозных философов последних двух столетий, равно как и существенно близких им западноевропейских авторов.

Еще А. С. Хомяков в «Записках о всемирной истории» в середине XIX столетия указывал в этом качестве на макрокультурный феномен «иранства» со свойственной ему символикой окрыленного творящего духа, свободы и личной ответственности, приоритета внутреннего мира над внешним, прерогативы речи, поэзии и музыки над письмом и архитектурой — он оказывается обречен на столкновение в истории человечества с противоположным ему во всем феноменом «кушитства», для которого характерны змеиная мудрость и гипнотический магизм, подавляющая необходимость и пафос законничества, отсутствие милости и неведение благодати [14].

В самых различных традициях может проявляться всецело либо же отчасти эта исходная «иранская» элевация, наиболее артикулированная изнутри христианского опыта [3, 4, 5]. Спустя столетие, близко к Хомякову высказывался о роли христианства К. Ясперс: «По сравнению с другими представлениями — о круговороте вещей, о возникновении человеческой культуры, о смысле мирского устройства — христианское представление обладает для отдельного человека ни с чем не сравнимой убедительностью благодаря своей универсальности, благодаря неповторимости и неотвратимости своей концепции истории и благодаря отношению к Спасителю» [18, с. 290].

Главная причина провала всех гуманитарных ориентаций в конце XX века и, в частности, многократно декларированной гуманитаризации образования в «перестроечной» России залегает в своеобразной программной специфике самой проводимой тогда гуманитаризации, а не во внешних по отношению к ней факторах. Гуманитаризация изначально оказалась связана с коротким антропологическим замыканием, декларирующим «преодоление метафизики», объявив метафизическую жажду человечества «фантомными болями», с активизацией релятивно-исторического плана сугубой антропологической имманентности, а если об этих вещах говорить на языке библейского миропонимания, то с отсутствием «страха Божьего», который есть «начало Премудрости» (Прит., 1 : 7). Безудержный, как казалось, рефлектирующий субъективизм оказался неизбежно детерминирован более могущественными онтологическими факторами, к числу которых относится и фактор культурно-морфологический, порождающий на данном этапе мировой истории, вопреки традиционному образу многотысячелетнего бытия, господство технико-технологического способа существования-осуществления человечества. «Лирики» не могли победить «физиков» в силу причин элементарного характера: первые, обитая, говоря словами блоковской поэзии, «на почве болотной и зыбкой», давно потеряли метафизическую точку опоры — тогда как в арсенале последних, причем, чаще всего вопреки сознательному уразумению самых ученых, «фаустовская» западная метафизика была

и остается наиболее действенной и даже правящей все их дело культурно-исторической силой, имеющей, кроме всего прочего, реальную перспективу немагических трансформаций [8, с. 140—141]. Особо подчеркнем здесь, что под маской Фауста вечное магическое ядро определенного типа культуры продолжало жить внутри новой Европы... И непреходящую значимость имеет указание Р. Гвардини: «Многие уже догадываются, что культура — не то, что предполагало Новое время: не благополучно-прекрасная безопасность, а отчаянная схватка не на жизнь, а на смерть, и никто не знает, чем она кончится» [1, с. 154].

Сегодня организация научной деятельности в цивилизованном мире все более напоминает тоталитарную технократическую секту... Не в этой ли связи еще Хайдеггер заговорил о «создании новой породы людей», когда «учёный-эрудит исчезает», а «его сменяет исследователь, входящий в штат исследовательского предприятия», где «определяют какие надо писать книги» [12, с. 47]?

Деградация представителей ученого мира ныне, что называется, налицо: сегодня целые академии организуют периодические конференции, в названии которых, например, фигурирует понятие «Нового времени» в значении текущей современности — и какова реальная польза таких мероприятий? — вред же, наносимый ими классическому образованию, совершенно очевиден... Но за этим скрывается и своеобразное проседание в начало этой взыскуемой недооформленным воображением исторической эпохи, а именно в XVII столетие символических борений барокко и классицизма, еще необрушенных иллюзий, и создается впечатление, что действительный потенциал Нового времени, быть может, все еще не пережит, и мы, может статься, возвращаемся к его исходной театрализованной постановке с известными псевдоантичными декорациями и обращенностью к имманентному космическому разуму... Но Аполлон не менее опасен, чем Дионис — за ним скрывается мир сказочной Снежной Королевы, и недаром, согласно античным мифологическим представлениям, он совершал периодические полеты в нордические регионы, на северный полюс земли, в гиперборейские края [7, с. 40—43], позднее погребенные водами ледовитых морей, отражающих безмолвную гармонию вселенной, однако... лишенную признаков человечности.

Остается в области гуманитарных дискуссий и вопрос о самой возможности «локальных цивилизаций» на фоне глобальной реальности единой техногенной цивилизации, связанной за последние столетия преимущественно с исторической катализирующей активностью западных народов — возможно, что на фоне культурного многообразия и «цветущей сложности» прежнего человечества именно универсальная и насильственно внедряемая «цифровая» стандартизация, несколько не исключаящая, но даже как раз и предполагающая управляемую «многополярность» как рудимент «обнуленной» активности прежних самобытных культур, выстроенных в известный планетарный «парад суверенитетов», окажется главным «вызовом» на творческих путях человеческой свободы. Будет ли на это дан *превосходный* ответ?

Преодолеет ли и если да, то каким креативным способом мыслящее человечество эту небывалую еще на земле преграду, сохранив свою сущность и не став уже только «постчеловечеством», подо что его чаще всего подписывают мрачные футурологические сценарии? — это еще один принципиальный вопрос. Нам представляется, что сегодня только Россия — отечественная интеллектуальная культура (при внимательном в нее погружении) — могла бы дать этот

сотериологический шанс. Безусловно, это никоим образом не самозамыкание, говоря словами отца Георгия Флоровского, «в уютных тупиках доморощенного обскурантизма» — но и «всемирная отзывчивость» России, о которой столь впечатляюще говорил Достоевский в своей знаменитой Пушкинской речи, могла бы быть реализована на фоне запуска механизмов всеобъемлющего принуждения как прежде всего *метафизика свободы*, где должны обязательно совпасть теологический и религиозно-философский дискурсы [9]. Ставя вопрос о «самобытном характере отечественного любомудрия», совершенно правы те, кто утверждают: «На знамени русской философии начертано только одно слово: СВОБОДА, что для неё тождественно творчеству» [6, с. 3].

Как отмечал Флоровский, «именно тема свободы, внешней и внутренней, становится основной во всей славянофильской публицистике 60-х годов. Еще в 1855 году Конст. Аксаков писал в своей известной записке "О внутреннем состоянии России" о свободе. "Деятельность мысли, духовная свобода есть призвание человека"...» [11, с. 332] — заметим, что это было время фронтального нашествия ультразападного реформизма на Россию, связанного с ее поражением в Крымской войне, эпоха депрессии и стремительного раскрепощения...

Нет сомнения в том, что профанный либерализм едва ли не дальше отстоит от свободы, чем косметичка от космоса — однако не достигает цели и вошедшее ныне в моду параноидальное лягание либералов по всякому поводу, поскольку за жупелом либерализма и дымом от холостых по нему выстрелов оказывается незамеченным то главное метафизическое зло, которое уже надвинулось на человечество сквозь западные «паломничества в страну Востока» — назовем его *неорабовладельческим строем* и на этом пока завершим наши соображения.

Библиографический список

1. *Гвардини Р.* Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127—163.
2. *Дугин А. Г.* В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический Проект, 2013. 515 с.
3. *Кадоваки К.* Дзэн и Библия. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2004. 221 с.
4. *Клеман О.* Отблески Света. Православное богословие красоты. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2004. 95 с.
5. *Корбен А.* Световой человек в иранском суфизме. М.: Фонд исследований исламской культуры; Волшебная Гора; Дизайн. Информация. Картография, 2009. 237 с.
6. *Корнилов С. В.* Предисловие // Русские философы: справочник. СПб.: Лань, 2001. С. 3.
7. *Океанский В. П.* Метафизика культуры: проблемы теории и истории: учебно-методическое, библиографическое и справочное пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 60 с.
8. *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Поворот к «мировому древу»: провал гуманитаризации как перспектива неомагической культуры // Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: сборник материалов по итогам Международной научной конференции, 20—22 сентября 2012 г. / под общ. ред. Е. В. Шелкопляса. Иваново, 2013. С. 140—145.
9. *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* «Il dit de l'Eglise il est très libéral ...»: экклесиологический космизм А. С. Хомякова // Богословие свободы. Религиозно-антропологические основания свободы в глобальном контексте. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2021. С. 537—546.

10. Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. СПб.: Азбука, 2001. 956 с.
11. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. 602 с.
12. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41—62.
13. Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? М.: Академический Проект, 2010. 351 с.
14. Хомяков А. С. Записки о Всемирной Истории // Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1900. Т. 5—7.
15. Швейцгер А. «Я родился в период духовного упадка человечества» // Кризис сознания: Сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 5—11.
16. Шопенгауэр А. Фрагменты к истории философии // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4: Parerga и Paralipomena: в 2 т. Т. 1: Parerga. М.: ТЕРА — Книжный клуб: Республика, 2001. С. 26—105.
17. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.
18. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 288—418.

References

- Dugin, A. G. (2013) *V poiskakh tmnogo Logosa (filosofsko-bogoslovskiy ocherki)* [In search of the dark Logos (philosophical and theological essays)], Moscow: Akademicheskij Proyekt.
- Florovskiy, G. (1937) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology], Paris: no publisher.
- Guardini, R. (1990) *Konets Novogo vremeni* [The end of the new time], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 4, pp. 127—163.
- Heidegger, M. (1993) *Vremya kartiny mira* [Time of the picture of the world], in Heidegger, M. *Vremya i bytiye. Stat'i i vystupleniya* [Time and being. Articles and speeches], Moscow: Respublika, pp. 41—62.
- Jaspers, K. (1991) *Dukhovnaya situatsiya vremeni* [Spiritual situation of time], in Jaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history], Moscow: Politizdat, 1991. С. 288—418.
- Kadovaki, K. (2004) *Dzen i Bibliya* [Zen and the Bible], Moscow: Bibleysko-Bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyana.
- Khomyakov, A. S. (1900) *Zapiski o Vsemirnoy Istorii* [Notes on the World History], in Khomyakov, A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Full composition of writings], Moscow: no publisher, vol. 5—7.
- Kleman, O. (2004) *Otbleski Sveta. Pravoslavnoye bogosloviye krasoty* [Reflections of Light. Orthodox theology of beauty], Moscow: Bibleysko-Bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyana.
- Korben, A. (2009) *Svetovoy chelovek v iranskom sufizme* [Light man in Iranian Sufism], Moscow: Fond issledovaniy islamskoy kul'tury; Volshebnyaya Gora; Dizayn. Informatsiya. Kartografiya.
- Kornilov, S. V. (2001) *Predisloviye* [Preface], in *Russkiye filosofiy: spravochnik* [Russian philosophers: a reference book], St. Petersburg: Lan', p. 3.
- Okeanskiy, V. P. (1998) *Metafizika kul'tury: problemy teorii i istorii: uchebno-metodicheskoye, bibliograficheskoye i spravochnoye posobiye* [Metaphysics of culture: problems of theory and history: teaching, bibliographic and reference manual], Ivanovo: Ivan. gos. un-t.
- Okeanskiy, V. P., Okeanskaya, Zh. L. (2013) *Povorot k «mirovomu drevu»: proval gumanitarizatsii kak perspektiva neomagicheskoy kul'tury* [Turn to the "world tree": the failure of humanization as a perspective of neomagic culture], in Shelkopyas, E. V. (ed.) *Chelovek*

zavtrashnego dnya: vzglyad s pozitsii nauki, vzglyad s pozitsii iskusstva [Man of tomorrow: a view from the standpoint of science, view from the standpoint of art: collection of articles], Ivanovo, pp. 140—145.

Okeanskiy, V. P., Okeanskaya, Zh. L. (2021) «Il dit de l'Eglise il est très libéral ...»: ekkleziologicheskiy kosmizm A. S. Khomyakova ["Il dit de l'Eglise il est très libéral ...": the ecclesiological cosmism of A. S. Khomyakov], in *Bogosloviye svobody. Religiozno-antropologicheskiye osnovaniya svobody v global'nom kontekste* [Theology of freedom. Religious and anthropological foundations of freedom in a global context], Moscow: Bibleysko-Bogoslovskiy institut sv. apostola Andreye, pp. 537—546.

Russell, B. (2001) *Istoriya zapadnoy filosofii i yeyo svyazi s politicheskimi i sotsial'nymi usloviyami ot antichnosti do nashikh dney* [The history of Western philosophy and its relationship with political and social conditions from antiquity to the present day], St. Petersburg: Azbuka.

Schopenhauer, A. (2001) *Fragmenty k istorii filosofii* [Fragments to the history of philosophy], in Schopenhauer, A. *Sobraniye sochineniy: v 6 t. T. 4: Parerga i Paralipomena: v 2 t. T. 1: Parerga* [Collected works: in 6 vol., vol. 4: Parerga and Paralipomena: in 2 vol., vol. 1: Parerga], Moscow: TERRA — Knizhnyy klub: Respublika, pp. 26—105.

Schweitzer, A. (2009) «Ya rodilsya v period dukhovnogo upadka chelovechestva» ["I was born in the period of spiritual decline of mankind"], in *Krizis soznaniya: Sbornik rabot po «filosofii krizisa»* [Crisis of consciousness: Collection of works on the “philosophy of crisis”], Moscow: Algoritm, pp. 5—11.

Spengler, O. (1998) *Zakat Yevropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 2: Vsemirno-istoricheskkiye perspektivy* [Decline of Europe: Essays on the morphology of world history, vol. 2: All-peace-historical perspectives], Moscow: Mysl'.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020 г.

Сведения об авторах

Океанский Вячеслав Петрович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, ocean_65@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна — доктор культурологии, профессор, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Иваново, Россия, ocean_2004@mail.ru

Information about the authors

Okeansky Vyacheslav Petrovich — Dr. Sc. (Philology), Head of the Department, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russian Federation, ocean_65@mail.ru

Okeanskaya Zhanna Leonidovna — Dr. Sc. (Culturology), Professor, Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, Ivanovo, Russian Federation, ocean_2004@mail.ru